

Красное Солнышко

**Москва
«Книга по Требованию»**

Александр Красницкий
Красное Солнышко

К читателю

Вопрос о варягах на Руси принадлежит к наиболее спорным в русской историографии.

Первые гипотезы о происхождении Русского государства встречаются уже в летописях XVI века, а научное изучение варяжского вопроса началось в Академии наук сразу же после ее основания в 1724 году. Прежде всего привлекали ученых легенды о призвании варяжских князей и вполне удовлетворительные объяснения имен Рюрика и Трувора как скандинавских. Чуть сложнее обстояло дело с именем Синеус. Однако теорию основания Русского государства норманнами опровергнуть достаточно легко, ибо значение скандинавского завоевания весьма преувеличено.

Походы викингов на Русь, начавшиеся в конце VIII века являются разбойничьими набегами, которые довольно трудно отделить от «торговых поездок». По мере того как местное население училось обороняться от набегов норманнов, всю большую роль начинала играть мирная торговля.

Одновременно с этим громадное значение для скандинавов имела возможность наняться на службу в дружину к русским князьям.

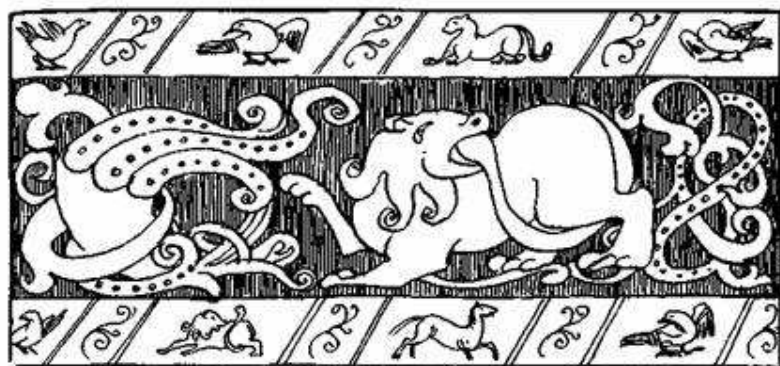
Что же касается термина «варяг», то ученые-скандинависты предлагают несколько его толкований: в древнерусском словоупотреблении это и скандинавские дружинники, приходившие на Русь за данью, и наемные воины на службе у русских князей, и торговцы.

Некоторые ученые выводят слово «варяг», «варенег» от западнославянского слова, обозначающего «меч». Известный лингвист М. Фасмер связывал «варяг» с древнесеверным «var» – «клятва», «присяга».

В языке же самих скандинавов это слово применяется только к воину-наемнику, в том числе и на службе у базилевсов в Византии.

Вот об этом обо всем вы и узнаете из очередного тома нашей серии.

Счастливого плавания на викингских драккарах!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. НА РЮГЕНЕ

Густой туман поднимался сплошной стеной над таинственным Рюгеном¹, островом, где полновластно царил страшный Святовит² – требовавшее постоянно крови, битв, разорения божество прибалтийских славян.

Святовит, «истукан», и «царил». Пусть сопоставление этих двух слов не кажется странным. Именно «царствованием», в полном значении этого слова, можно назвать культ грозного божества. Кроткие венды, жившие на Рюгене, были поработаны жрецами Святовита, действовавшими не иначе, как во имя его, и требовавшими от населения и кровавых жертв, и воинов в ряды своих дружин, всегда готовых по первому их знаку кинуться на непокорных. С течением времени добровольная покорность этому вошла в привычку, в Святовите рюгенцы стали видеть грозного защитника от внешних врагов, главным образом – удалых викингов, бороздивших по всем направлениям Варяжское море; жрецы поддерживали эту уверенность, и идол стал как бы земным царем рюгенцев, будто он был одухотворением земной жизни и в самом деле обладал каким-то таинственным могуществом.

Итак, Святовит «царил» полновластно в Рюгене.

Постоянные туманы, одинокое положение острова среди бурного моря, рассказы о его божестве, выходявшем будто бы по ночам и своего храма и мчавшегося на белом коне с мечом в руках по горам и по равнинам острова и над валами беспокойного моря, – все это придавало Рюгену особенную таинственность, и даже удалыцы-берсерки из среды викингов, готовые всегда на всякий подвиг безумной храбрости, не осмеливались нападать на рюгенцев. Редко даже кто чужой нападал на этот остров – так силен был инстинктивный страх, внушаемый грозным богом.

Храм Святовита находился на Арконе³. Здесь, окруженный высоким валом, стоял городок жрецов. Вал был так поднят, что закрывал собою высокие, с остроконечной крышей дворцы-крепости, где жили служители Святовита. Только храм божества, стоявший на горе, одиноко поднимался над островом и, как бы венчая его, издали был виден с моря в немногие нетуманные дни.

Редко, очень редко кому-либо чужому удавалось побывать в жреческом городке. Служители Святовита ревниво берегли свои тайны. Для них чужой глаз был опасен. Поэтому только в самых исключительных случаях посторонние попадали в таинственные убежища грозного бога – храм, ворота которого открывались лишь тогда, когда выносилось из храма огромное знамя, что служило знаком того, что «божество» разгневано и требует войны и истребления своих врагов.

Вслед за знаменем выходили тогда воины Святовита. Их было всего-навсего только триста, но это были закаленные в боях берсерки, для которых «не было в мире дела лучше войны». Эти люди составляли ядро рюгенской армии. К ним примыкали молодые мужи и наемные воины жрецов, викинги с соседних островов; спускались на воду быстро оснащенные остроносые черные драккары, и уходила на грабеж к соседям буйная дружина, давая клятву возвратиться не

иначе, как с добычею, заранее назначенной в жертву Святовиту.

Случалось так, что долгое время не показывалось пред рюгенским народом знамя Святовита. Не с кем было воевать его воинам. В Норвегии царствовал храбрый Олав Трюгвассон, пришедший туда из Дании. Борьба с ним была не по силу рюгенским жрецам. К берегам пиктов и саксов тоже не приходилось идти, у франков после недавних набегов викингов образовалась своя береговая стража. Побережье Варяжского моря все было разорено и выжжено. Волей-неволей приходилось томиться скукою Святовитовым воинам.

На площадке, окружавшей жреческий городок у вала, у разложенного костра, в тот туманный день, когда начинается этот рассказ, сидело в разных позах несколько суровых воинов, поставленных здесь для наблюдения за морем. Дул сильный, пронизывающий до костей ветер. Туман волновался, как воздушное море. Невидимое за ним и в нем настоящее бурное море глухо рокотало, словно начинавшее свирепеть чудовище. Костер горел тускло; дым его стелился по низу, как будто тяжело ему было подниматься к этой белесоватой, давившей сверху гуще. Лица воинов были угрюмы. Кто-то из них полулежал на подстилке из звериных шкур, кто-то сидел, обняв руками колена. Изредка кто-нибудь приподнимался и начинал подкладывать в костер набросанные поблизости сучья; тогда раздавался треск, вспыхивало пламя, и суровые лица на мгновение оживлялись.

Вдруг со стороны моря, из кромешного гула донесся какой-то странный шум. Не то крики людей, не то звуки рогов. Воины как-то все разом встрепенулись и переглянулись между собой.

– Что там такое, Сфенкал? – сказал старший. – Пойди посмотри: стража внизу, может быть, знает.

Сфенкал поднялся и с сожалением взглянул на костер.

– Проклятый шум, – пробормотал он.

– Иди, Сфенкал, иди! – крикнул старший. – А вы, – обратился он к остальным, – будьте наготове.

Посланный воин, что-то ворча сквозь зубы, пошел по валу и скоро скрылся в туманной мгле.

Теперь все эти угрюмые люди у костра вдруг оживились. Неожиданно донесшиеся до них звуки потрясли скуку, наполнили их сразу ожиданием чего-то нового. Пробудилось любопытство: звуки с моря не так часто долетали до арконского вала, чтобы не возбуждать собою интереса.

– Уж не те ли там, на море, кого так ожидают в Арконе? – сказал один из оставшихся воинов.

– Кто знает? Может быть, и те! – отозвался тот, кто был начальником над ними.

– Тогда чего же мы остаемся здесь?

– А что же мы сделаем в таком тумане?

Раздавшийся откуда-то снизу, от подошвы вала, звук рогов, заставил всех воинов вскочить на ноги.

– Вот теперь нас зовут, и мы пойдем, – наставительно произнес начальник, – скорее разбирайте оружие, не забудьте раскидать костер.

Он говорил все это отрывистым голосом; воины быстро вооружились и стояли, ожидая новых приказаний своего вождя.

- Ну, идем! Не то опоздаем! – сказал он.
- Если только не опоздали! – отозвался несколько насмешливо молодой воин.
- Это почему, Икмор? – вскинул на него глаза начальник.
- Взгляни, – указал молодой человек в сторону, где, несмотря на туман, виднелся храм Святовита.

Рога, не умолкая, гудели от подножия вала. Им вторил шум, поднявшийся на улицах Арконы. Видны были толпы людей в белых жреческих одеждах и темных воинских одеяниях. Слышались крики, заметна была с высоты вала суматоха, толпы двигались по направлению к арконским восточным вратам. Городок, недавно еще безлюдный, безмолвный, вдруг ожил.

Старый воин махнул рукой.

- Клянусь рогом Святовита, это прибыли ожидаемые гости, – воскликнул он.
- В такой туман? – повторил его недавние слова Икмор.
- А что же? – возразил тот уже на ходу. – В фьордах мало ли искусных мореходов? А эти гости идут именно оттуда.

Весь небольшой отряд спешно пошел за своим начальником по дороге, проложенной на гребне вала. Икмор, воспользовавшись тем, что вождь так разговаривал, шагнул к нему.

– Скажи, батюшка, – расспрашивал он, – не слышал ли ты, зачем является сюда это посольство? Ведь, Олав Трюгвассон успокоился с тех пор, как попал в Норвегию. Что ему здесь нужно?

– Не знаю, – отвечал вождь, – зачем послал к нам Олав своих воинов, об этом ничего не слышно; но не будь я Эрик, по прозвищу Черный Дракон, если только очень скоро не будет вынесено из храма знамя Святовита.

– Вот как! И ты уверен в этом?

– Так же, как в том, что я сын своей матери.

– Но куда же пошлет нас Святовит?

– А про то знает старый Бела, его верховный жрец.

Тут Эрик сообразил, что сказал слишком много, и вдруг рассердился.

– Да чего ты ко мне пристал? – закричал он. – Или ты думаешь, я обязан тебе сообщать, что говорят об этих пришельцах около Святовитова храма? Помолчи лучше, а не то я пожалуюсь на тебя Беле.

Икмор лукаво улыбнулся и замедлил шаг, отстав от своего сердитого начальника.

«И того довольно сказал, – думал он, – стало быть, скоро кончится эта тоска, и мы пойдем за море. А куда, я это узнаю.»

Он поспешил сейчас же передать товарищам то, что ему удалось выпытать у старого Эрика. Среди кучки воинов пошел одобрительный говор. Эти воины были не из числа тех трехсот, которые составляли дружину Святовита. На Рюгене они были просто наемниками, взятыми для тяжелой караульной и рядовой службы. Таких наемников обыкновенно набирали из всей Скандинавии, стран варяжского побережья и Северной славянщины, с которой у скандинавов были постоянные торговые отношения. Ничто не привязывало к Рюгену этих людей, которых норманны называли «варягами», иногда прибавляя к этому наименованию сокращенное название их полуострова, так что общеупотребительным их именем было «варяго-россы». В то же время эти люди всегда были верны в исполнении договоров, и никогда не случалось, чтобы кто-либо из них ушел

прежде, чем окончится уговоренный срок их службы, или не выполнял принятых на себя обязательств. Поэтому ими всегда дорожили, и викинги– скандинавы никогда не отказывались принимать в свои дружины этих по большей части безродных людей.

Под начальством Эрика, по прозвищу Черный Дракон, был большой отряд, но зато все его подчиненные были очень тесно сплочены между собой, жили дружно и пользовались полным уважением жрецов Святовита.

Сообщение Икмора не на шутку обрадовало их. Скоро должен был кончиться их срок службы при дружине Святовита, и им пришлось бы возвращаться на Рослаген, не побывав в боях. А для них и жизнь не в жизнь была, если кругом не кипела сеча, не было опасности. Они боялись, что на Рослагене просто засмеют их, когда им придется вернуться туда, а больше некуда было идти. Для самостоятельного похода отряд Эрика был слаб.

Оживленно разговаривая, варяги спустились с вала. Все население Арконы высыпало уже на побережье, расстилавшееся от ворот и вплоть до морских волн. Маленькая арконская гавань кипела оживлением. Драккары, стоявшие у берега, отводились: видно было, что для почетных гостей приготавлилось место. Звуки рогов не смолкали. Из ворот вышел небольшой отряд дружинников Святовита. Эти воины, закованные в железо, с тяжелыми мечами и щитами, сидели на могучих белых конях, тоже прикрытых от вражеских стрел кожаными глухими попонами. В сравнении с плохо одетыми, вооруженными только секирами да короткими мечами варягами, эти люди по внешности были олицетворением несокрушимой ратной силы и ее красоты. Но вместе с тем лица их были нежны, белы, выхолены, на них не заметно было ни решительности, ни упорства, ни того воинского духа, который так и сквозил в суровых варягах. Да оно и понятно. Дружинники Святовита стали теперь вождами собиравшихся рюгенских армий, их и в боях берегли, и в мирное время они являлись участниками всевозможных шествий, церемоний и привыкли выставляться больше всего напоказ, привыкли, чтобы ими любовались, а дело опасности – это уже выпадало на долю других.

Их и теперь в собравшейся на берегу толпе встретили криками восторга, тогда как варягов никто не замечал. Однако приветствия на этот раз были непродолжительны. Внимание толпы скоро отвлеклось другим. Трубные звуки с моря раздавались все громче и громче, и трубы на берегу вторили им. Вдруг завесу тумана словно разрезал стройный драккар. Он как будто вынырнул из какой-то бездны. Его черные, суженные сверху борта, острый, загнутый несколько с высоты к воде нос, высоко приподнятая корма с площадкой для рулевого – так и вырисовывались в белесоватом тумане. С десяток весел медленно поднималось и опускалось, всплескивая воду. На носу стоял воин, что было сил дувший в рог. На корме, около рулевого, находился другой воин – типичный норманн в панцирной рубахе с медным нагрудником и в шлеме. Около него стояло еще двое людей, один исполинского роста, другой статный, стройный, с кудрями, выбивавшимися на плечи из-под шлема. Оба они тихо говорили между собой, то и дело указывая на Аркону. За этим драккаром выскользнул из тумана другой, третий, и скоро в маленькой гавани сошлась целая флотилия их. Когда первый, самый нарядный из них, подошел к очищенному для него месту и ряду выложенных камней, что заменяло собой пристань, приветственные кличи, звуки рогов, шум волн – все слилось вместе. В это время на борт нарядного драккара вскинута была сходня,

и три витязя, стоявшие на его корме, медленно сошли на твердую землю.

2. СРЕДИ ВАРЯГОВ

Из толпы жрецов Святовита, стоявших всех ближе к пристани, отделился седой пронырливого вида старик в белом жреческом одеянии и, обращаясь к прибывшим, заговорил:

– Привет тебе, храбрый Освальд сын Руара, – с этими словами старик слегка поклонился норманну и продолжал: – Привет и вам, пришельцы из далеких славянских стран, тебе, Владимиру, сыну Святослава, внуку Игоря и правнуку великого Рюрика, и тебе, сыну Малка.

Говоря с последними двумя, старик едва-едва наклонил свою седую голову, так что поклон его вышел совершенно незаметным. – Великий отец и судья Бела, любимый слугитель Святовита, – закончил свою коротенькую речь старик, – приказал мне передать вам, что он очень рад видеть Вас благополучно переплывшими море. Идите за мной, вы будете гостями Святовита, отдохнете с дороги, которая была нелегка.

– Привет и тебе, мудрый Нонне сын Локка! – воскликнул Освальд. – Передай твоему отцу и господину, мудрейшему Беле, что конунг мой великий Олав Трюгвассон, о котором громко поют саги в наших фьордах вдохновленные светлым Бальдром скальды, приказал передать ему поклон.

– Мы будем говорить об этом, храбрый ярл, потом, – прервал его Нонне, – великий отец Бела выслушает сам, что приказал тебе твой могущественный конунг, а теперь повторю вам свою просьбу: пойдёмте, вас ждет отдых под приготовленным ддя вас кровом.

Он жестом пригласил прибывших следовать за собой. Дружинники Святовита повернули коней, открывая шествие. Впереди, по направлению к городским воротам, шпалерами вытянулись в два белых ряда младшие жрецы и жреческие ученики с трубами и особого рода тимпанами. За ними, как живое море, волновались сбегавшиеся из предместий Арконы мужчины, женщины, дети. Позади небольшой группы прибывших и Нонне шли варяги, но теперь число их сразу утроилось.

С подошедших драккаров, проважавших ладью посланца конунга Олава и славянских гостей, сошло много воинов. Среди них были норманны в панцирях и шлемах и варяго-россы, одетые, подобно их рюгенским товарищам, как попало. Старый ярл сейчас же нашел приятелей и друзей среди прибывших, его воины смешались с толпой; нисколько не стесняясь, все они громко приветствовали друг друга. Слышен был шумный разговор, взрывы веселого хохота.

Так дошли до ворот «бурга». За них вступили только конные дружинники Святовита, Нонне с гостями и жрецы. Для прибывших скандинавов и варягов было отведено помещение в предместье, где жили и рюгенские варяги. Там им был выстроен дом в одну длинную огромную комнату со скамьями вдоль стен под окнами. В зале было светло: освещали ее никогда не гаснувший очаг да множество смоляных факелов. Посредине зала стоял во всю длину его стол, уставленный к приходу гостей и хозяев только что зажаренными воловьими и бараньими окороками, огромными кубками с вином и другими яствами и питиями.

Эрик с тремя прибывшими варягами, Ингелотом, Руаром и Оскаром, уселись